

«Дело свободы, дело прогресса — непобедимо». Так Леонид Ильич Брежнев определил в докладе XXV съезду КПСС тенденцию развития мирового революционного движения. Победа никарагуанского народа — яркий и убедительный пример правильности этой оценки.

В борьбе за независимость Никарагуа принимали участие сотни тысяч людей, объединенных идеей национального освобождения. Сегодня мы рассказываем об одном из них — видном поэте и государственном деятеле Эрнесто Карденале.

ТРУДНО было поверить, что всего год назад вокруг этого стадиона шли бои. А такие же мальчишки и девочки, что теперь выплывали, водили хороводы по зеленому полю стадиона, с тяжелыми автоматическими винтовками перебежали от дома к дому, стреляли и умирали в бою... О том кажущемся сейчас далеким времени напоминали лишь два «батальона» никарагуанских пионеров, одетых в форму бойцов Фронта национального освобождения имени Сандино, с деревянными автоматами или просто палками на плечах. Здесь, на стадионе, они играли в войну, как это делают дети по всему свету. И хотя военная форма и деревянные автоматы напоминали о недавнем прошлом, игра как бы подчеркивала — настоящая война окончена! И теперь дети давали представление для других детей, собравшихся сюда со всей никарагуанской столицы на праздничные годовщины победы революции.

Я был благодарен моим никарагуанским друзьям за то, что они привезли меня сюда, и с удовольствием смотрел представлению — спектакль о свержении Сомосы, огромной паззл куклы с усами.

скрыться. Какие душевные муки выпали на его долю после неудачного покушения, гителли товарищей? Известно только, что именно в то время он начинает готовиться к карьере католического священника, учится в США, потом в Мексике. Колумбии. Получив сан, возвращается в Никарагуа и организует индейскую общину на архипелаге островов Солентинаме.

— Я жила с мужем в общине, созданной Карденалем, — рассказывала мне Марта-Лус Бадилья. — Крестьян-индейцев обучали ремеслам, деревня начала строиться по плану, был собран общественный фонд, построены столовая, школа. Библиотека на острове была одной из лучших в стране. На ежедневных утренних и праздничных службах после чтения Библии Эрнесто обсуждал с индейцами прочитанное, разъяснял, что человек появляется на свет для счастливой жизни, что источник всех богатств — труд.

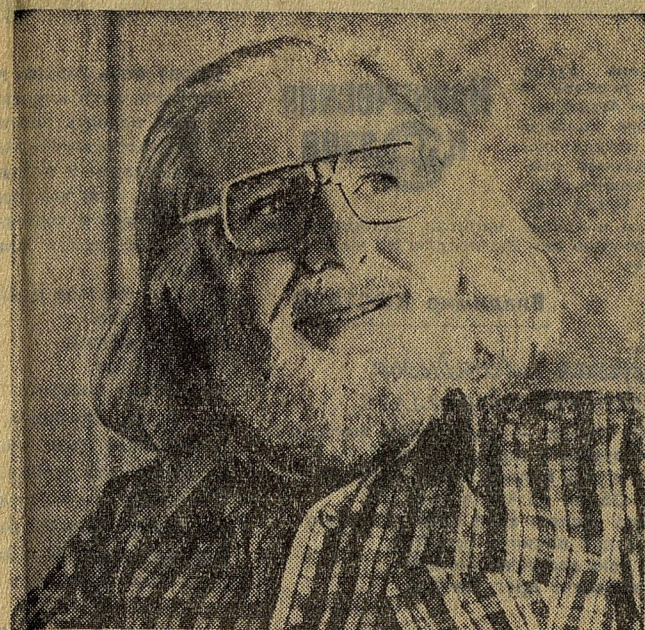
Волнуясь в рассказ Марты-Лус, я думал над тем, что значила эта община для Карденала. Попытка сделать счастливыми несколько десятков семей? Эксперимент, доказывающий возможность социалистического общества? К голосу Карденала, уже ши-

ционности или прогрессивности того или иного литератора. Поэтому я ограничусь лишь конкретными примерами, назову двоих, чья деятельность, как литературная, так и общественная, достойна, на мой взгляд, подражания. Первым я назову Габриэля Гарсия Маркеса, много сделавшего для нашей революции. Два раза приезжал в нашу страну Хулио Кортасар. Он правди-

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ НОВОЙ КНИГИ:

во писал о событиях в Никарагуа, защищал нашу революцию от клеветников. Эти два писателя прямо связывают свою общественную и литературную деятельность с революцией. В то же время должен сказать, что среди обладающих большим талантом писателей Латинской Америки есть и такие, кто все свои силы отдает чистой эстетике, а иногда и ставит свое искусство на службу интересам эксплуататорских классов.

— В одном из интервью вы говорили о том, что у вас теперь нет времени на поэзию, поскольку вы стараетесь как можно больше сил

Эрнесто КАРДЕНАЛЬ

Баррикада

Ее мы строили вместе. Мальчик, ушедший из дому, не поцеловав свою маму, чтобы мама ни о чем не узнала. Юноша, в последний раз поцеловавший невесту. Женщина, оставившая свой очаг, чтобы стать партизанкой. Сирота, который сказал своей бабушке,

бывшей ему вместо матери: «Я сейчас вернусь!», но домой никогда не вернулся... Те, кто годами скрывался в горах. Те, кто годами жил в подполье, в городах, которые были еще опасней, чем горы.

Те, что служили связными и каждую ночь по путаным тропкам пробирались к повстанцам. Шоферы Манагуа, перевозившие партизан изо дня в день на рассвете.

Те, кто, находясь за границей, покупал оружие у гангстеров, организовывал митинги с флагами и лозунгами протеста, вел переговоры в усталых коврах приемных президентских дворцов.

Те, кто с криком «Умрем за свободу!» атаковал казармы. Паренек в красно-черной повязке, скрывавшей лицо, что дежурил на перекрестке освобожденных улиц. Дети, вытаскивавшие булыжники из мостовых [монополия на торговлю булыжниками принадлежала Сомосе]

и тащившие на себе тяжелые камни — камень за камнем — для баррикад, на которых сражался народ.

Старухи, приносившие кофе на баррикады... У одних были ответственные задания, у других — порученья попроще.

Каждый из нас положил свой булыжник в основание баррикады. Это было делом всего народа. Мы были едины.

И мы победили.

Перевел с испанского Владимир РЕЗНИЧЕНКО

ПОЭТ ЗЕМЛИ

ОТВАЖНЫХ

В тот день мне предстояла встреча с министром культуры Никарагуа Эрнесто Карденалем. И все, что я видел на стадионе, было как бы живой иллюстрацией к деятельности его министерства. И к тому разговору, который мы вели еще в Москве...

Министр принял нас, группу журналистов, в номере одной из московских гостиниц. Усадил всех за небольшой стол, сел рядом, закурил сигарету. Готовый к официальным визитам полувоенный френч висел на спинке кресла. В клетчатой рубашке и синих холщовых брюках, он был скорее похож на никарагуанского крестьянина, чем на всемирно известного поэта, чьи стихи удостоены многих международных премий и кого по праву называют преемником Пабло Неруды.

Разговор начался с вопроса об итогах пребывания делегации министерства культуры Никарагуа в Советском Союзе. Министр был доволен своим визитом в нашу столицу.

— Культурный обмен, о котором мы здесь договорились, безусловно, принесет большую пользу Никарагуа, — заявил он.

Затем мы, естественно, говорили о работе министерства культуры молодой республики.

— Что сделала революция для развития культуры? — переспросил товарищ Карденаль. — Ну что ж, хотя конкретные итоги подводить еще рано, могу сказать, что уже сейчас по всей стране созданы и создаются дома культуры, самодеятельные театры, музыкальные ансамбли, танцевальные группы, возрождается фольклор, традиционное народное искусство, ремесла.

Значительно повысился, на мой взгляд, эстетический уровень изделий наших ремесленников. Их работы хорошо принимают за рубежом... Когда-то я пытался помочь крестьянам-индейцам на Солентинаме, если можно так выразиться, «вспомнить» старинное искусство цветной росписи. Теперь таких центров в Никарагуа несколько. Я бы сказал, что революция в нашей стране вместе с заводами, фабриками, землями — собственностью, принадлежавшей прежде сомосистам, сделала достоинством народа и культуру...

Мелькнувшее в разговоре название островов Солентинаме напомнило один из эпизодов полной бурных событий жизни Карденала.

Детство его прошло в трудное время. В Никарагуа бесчинствовала американская морская пехота. Патриоты не сдавались. Семь лет шла партизанская война, которую возглавил легендарный Сандино. С рассказов о подвигах партизан, с песен и стихов, сложенных ими на привалах, с легенд и подлинных историй о «генерале бедняков» и началось воспитание чувств будущего знаменитого поэта.

С 1944 года Карденаль принимает участие во всех выступлениях против диктаторского режима. В 1954 году он вместе с несколькими единомышленниками организует покушение на Анастасио Сомосу-старшего. Покушение не удалось. Два товарища Карденала, Пабло Леаль и Гомес, погибают во время схватки. Эрнесто Карденалю удается

роко известного в то время поэта (в 60-х годах он опубликовал восемь книг стихов), внимательно прислушивались молодые. Вот что он советовал им:

«...Пишите об окружающем вас мире. Поэт, который пишет об окружающем мире, пишет об индианке, которой стало плохо от голода... пишет о бедном индейце, которого несут хоронить такие же, как он, бедняки из Канья-де-Комарка... о портрете Сомосы в грязной конторе порта, о влажности и жаре, обо всем, что его угнетает... Поэт, который пишет об окружающем мире, пишет о танках «Шерман» и батальонах национальных гвардейцев, сражающихся с группой мальчишек, и о том, что в стенах домов после боя остаются пробоины от снарядов, а сами дома полны дыма... Я думаю, — заканчивал Карденаль свой призыв к молодежи, — поэты все вместе докажут, и некоторые уже доказали, что поэзия может служить делу возрождения родины, воспитанию нового человека, изменению общества, делу строительства новой Никарагуа...»

Прежде чем мы вернемся к интервью с Карденалем в Москве, добавлю, что его воспитанники с островов Солентинаме приняли самое активное участие в вооруженной борьбе против сомосизма. В 1977 году многие из них сражались под Сан-Карлосом, штурмовали казармы национальных гвардейцев. Это была одна из первых крупных акций Фронта национального освобождения имени Сандино.

Следующий вопрос, — сказал я, — мне хотелось бы задать скорее Эрнесто Карденалу-поэту, чем министру. Революция победила, поэты Никарагуа участвовали в этой революции и словом, и делом. Наверное, появились и новые имена, но есть ли среди них имя обещающее таного же поэта, наким был великий никарагуанский поэт Рубен Дарио?

— Скажу прямо, что пока среди молодых наших поэтов я не вижу таланта, подобного Дарио. Но сейчас не это главное. Главное, что народ, как только ему представилась такая возможность, потянулся к знаниям, культуре, творчеству. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные поэтические кружки, открывшиеся в кварталах бедноты и в сельских индейских поселках, на заводах и в армейских частях. Я, когда бываю время, прихожу на занятия таких кружков, помогаю молодым. Люди пишут стихи, пусть наивные, неумелые, но искренние. Это реалистические произведения. И хотя, как я уже сказал, пока среди них нет нового Рубена Дарио, сама тяга к поэзии уже дала нам сто новых имен. А это феномен не менее значительный.

— Известно, что Латинская Америка в последние десятилетия подарила миру блестящие примеры литературного творчества, которые являются — в этом, кажется, уже нет сомнений — результатом глубинных социальных перемен на континенте. Кто, по вашему мнению, из современных латиноамериканских писателей наиболее полно отражает в своем творчестве эти социальные перемены?

— Сложный вопрос. Отвечая на него, необходимо называть имена, а их много, и каждый даже случайный пропуск какого-то имени может быть понят как недооценка револю-

отдавать участие в выполнении более важной миссии — ликвидации неграмотности среди сотен тысяч ваших соотечественников. Вы действительно больше не пишете стихов?

— Я говорил, помнится, нечто подобное, — ответил Карденаль, — но не так категорично. Не писать я не могу. Кстати сказать, недавно наше министерство культуры начало издавать новый журнал. В первом его номере опубликованы стихи никарагуанских поэтов, среди них есть несколько и моих новых стихотворений. Сейчас у меня нет с собой этого номера. Но если вам доведется побывать в Никарагуа, я с удовольствием подарю его вам...

В МИНИСТЕРСТВО культуры молодой республики мы отправились сразу же после представления на стадионе. Эрнесто Карденаль приехал минут через пятнадцать. Быстрый, худощавый, подтянутый, в том самом полувоенном френче, совсем непохожий на Карденала, беседовавшего с нами в Москве. Он подошел ко мне, поздоровался за руку, внимательно посмотрел в лицо и узнал.

— Я пришел за книгой, — на всякий случай напомнил я. — Долгим был путь, — улыбнулся он.

Нам принесли журнал. Он тут же, в приемной, открыл его на нужной странице и написал: «Читателям «Литературной газеты» от Эрнесто Карденала».

— Мы будем издавать этот журнал один раз в два месяца, — сказал он. — В этом номере вы найдете и прозу, и стихи наших литераторов. Здесь также публикуются новый рассказ Хулио Кортасара. В будущем мы хотели бы предоставить страницы нашего журнала молодым литераторам со всего континента.

Я начал читать журнал со стихов, опубликованных в первом номере. В них говорилось о борьбе, о товарищах, о героизме и любви, о гибели и победе. Среди неизвестных мне имен поэтов, живых и павших в боях за свободу, я нашел известное и у нас в стране имя «команданте Дос» — Доры Марии Тельес, девушки, командовавшей одной из самых дерзких операций по захвату почти всего правительства Сомосы, ставшей символом мужества никарагуанских партизан.

Стихи Эрнесто Карденала, простые, понятные всем, как газетные строчки, напомнили мне стиль Пабло Неруды, когда в лихую годину писал он о Сталинграде, и слова песен Виктора Хары считавшего, что в трудное для народа время стих должен быть как выстрел, как плакат...

А потом я прочел вступительную статью Эрнесто Карденала, помещенную в самом начале журнала. В статье вошло и микрорассказ об этимологии названия Никарагуа. Один из возможных вариантов значения этого слова показался мне самым верным для наших дней: на языке древних Никарагуа означало «земля отважных».

Владимир ВЕСЕНСКИЙ, спец. корр. «ЛГ»

Фото автора

МАНАГУА — МОСКВА